

Агент для «Великого кормчего»

Жители соседнего Китая, измученные в двадцатые-тридцатые годы XX века непрерывной гражданской войной и нищетой, сыграли немалую роль в хозяйственной и политической жизни Советского Союза. Легально и нелегально они проникали в нашу страну, где и оседали — в весьма внушительных количествах. Часть этих эмигрантов пополняла собой и репрессивный аппарат социалистического государства.

Китайцев использовали как агентов внешней разведки ОГПУ-НКВД и Разведуправления Генштаба РККА, как сотрудников-нелегалов Коминтерна, а также для того, чтобы эффективно налаживать осведомительную работу среди многочисленных китайских рабочих-эмигрантов и солдат, перешедших в 1932–1933 гг. советскую границу на Дальнем Востоке после оккупации японцами территории Маньчжурии. Участь нескольких тысяч интернированных военнослужащих китайской армии была наиболее трагичной — сначала они превратились в рабов ГУЛАГа на шахтах и лесозаготовках, а в 1937-м оказались истреблены как японские шпионы.

«Совершенно секретных» китайцев было довольно много. Об одних известно по чуть-чуть, биографии других выглядят просто ошеломляющими. Материалы партийных и чекистских архивов сохранили сведения о множестве бойцов невидимого фронта, происходивших из бывшей Срединной империи.

Разведчики

Вот весьма заслуженный житель Поднебесной Ки Чжи. Этот сын торговца родился в 1901 г. и получил в Китае высшее образование. Сначала он был анархистом, потом вступил в Гоминьдан и поработал секретарём райкома этой главной партии тогдашнего Китая в Шанхае. Советы тогда с левыми гоминдановцами дружили, что позволило Ки Чжи попасть в московский Комуниверситет трудящихся Востока. После идеологической обработки он стал коммунистом и с 1926 г. обосновался в СССР. В 1933 г. его взяли на работу в ОГПУ. Затем была секретная командировка в Китай, откуда Ки Чжи вернулся в 38-м. Избежав репрессий, он обосновался на службе в 5-м (шифровальном и дешифровальном) управлении НКГБ-МГБ СССР, где трудился в течение всех 1940-х гг.

По отзыву начальника управления, «являлся в отделении ведущим работником и оказывал большую помощь в работе как консультант по языку». Ки Чжи получил четыре медали и три благодарности от МГБ, но вот из партии в 1940 г. был изгнан за некий разноречивый в анкетах. Коллеги-чекисты характеризовали его как крайне самолюбивого, мнительного, неискреннего и беспринципного, а в 1950 г. отправили в отставку по болезни. Правда, дали персональную пенсию. В начале 1953 г. ЦК компартии Китая направил товарищу Ки Чжи вызов на родину...

Из китайцев составляли целые семейные разведывательные ячейки. Одна из них состояла из Алеева Анатолия Мироновича и Луцкой Фаины Мироновны (китайские имена супружеской четы остались невыясненными). Эти двое испытали горечь провала на оставленной родине, но вторая отчизна после этого отнеслась к ним благосклонно. Известно, что и Анатолий, и Фаина были 1904 г. рождения, с высшим образованием. А вот по происхождению разнились — крестьянский сын женился на помещичьей дочке. Зато путь в политику и разведку был у них сходным — сначала членство в Гоминьдане, потом обучение в Комуниверситете трудящихся Китая. В декабре 1929 г. они закончили учиться и получили распределение на партийную работу. Анатолий стал инструктором профкома на прииске им. Козлова в Нерчинском районе, затем завклубом восточных рабочих в Чите и инструктором Читинского горкома ВКП(б). Фаина также отработала инструктором профкома на прииске и в горпрофсовета в Чите, а в 1932–1935 гг. преподавала в китайском отделении Читинской краевой совпартшколы.

В марте 1935 г. супружескую чету из Читы отправили в спецкомандировку в Синьцзян. Там их ждал в ноябре 1937 г. арест китайскими властями по обвинению в заговоре против синьцзянского правительства. За решёткой супругам пришлось просидеть до марта 1939 г., когда их освободили за недостатком улик и депортировали в СССР. Анатолий перед войной поработал во 2-м интернациональном детдоме, а потом нашёл хорошую для «сгоревшего» агента работу — на 1945 г. он был ответственным редактором китайского отделения в московском издательстве литературы на иностранных языках. Что касается Фаины, то она работала в МОПРе и референтом в отделе кадров Исполкома Коминтерна, а с сентября 1941-го — переводчиком в том же издательстве, что и муж [391].

Китаец Сергей Михайлович Ленинцев (Хоу Минци) родился в 1905 г. в деревне Лише провинции Шаньси, происходил из бедных крестьян. Рано осиротел, работал на ткацкой фабрике в г. Тайюань, учился в вечерней школе. В середине 20-х годов был секретарём подпольной ячейки КПК, в декабре 1926 г. нелегально прибыл во Владивосток, а затем выехал в Москву. Там Хоу Минци до середины 1929 г. учился в Комуниверситете трудящихся Китая, проходя в ведомостях как К. А. Ланцуцкий. В 1929 г. он учился в пехотном училище, а во время боёв на КВЖД допрашивал пленных китайских солдат в Хабаровске. В мае 1931 г. Хоу отозвали в Москву и нелегально отправили в Шанхай, чтобы восстановить связь с партячейками. Но курьер не смог выполнить задание в связи с полным разгромом коммунистического подполья и был вынужден вернуться в СССР ни с чем. Далее его ждала карьера в советских «органах».

В ноябре 1932 г. китайского интернационалиста зачислили — как С. М. Ленинцева — в штат Особого отдела ОГПУ-НКВД ЗабВО, где он в 1936 г. получил звание лейтенанта госбезопасности, соответствовавшее армейскому капитану. Когда разгорелся «Большой террор», Ленинцев был 15 февраля 1938 г. арестован в Чите и как «японский шпион» подвергся пыткам. Ему повезло — 15 марта 1939 г. особиста освободили с прекращением дела. Затем

Ленинцев был восстановлен в НКВД, получил путёвку на курорт для лечения нажитого в застенке туберкулёза и зачислен в штат Разведотдела УНКВД-УНКГБ по Читинской области. Известно, что в 1945 г. он участвовал в допросах последнего китайского императора Пу И. А в 1968 г. Ленинцев вышел в отставку и умер в Чите в январе 1977 г.

Другому китайцу, Петру Васильевичу Григоровскому, работавшему в Читинском оперсекторе УНКВД по Восточно-Сибирскому краю, из смертельных чекистских объятий вырваться не удалось. Его китайское имя неизвестно, а родился Григоровский в 1905 г. рядом с китайской границей — на прииске Казаново Нерчинского уезда Забайкальской области. Тогда много китайцев работали на рудниках Забайкалья, поэтому можно предполагать, что Пётр Григоровский происходил из семьи китайца-чернорабочего. О нём известно крайне мало: дата ареста — 3 июля 1937 г., формула обвинения — «измена родине», дата расстрельного приговора, заочно вынесенного Комиссией НКВД и Прокурора СССР — 2 сентября 1938 г. Григоровского казнили 23 сентября того же года, а реабилитировали в апреле 1959 г. решением военного трибунала ЗаБВО [392].

Ещё один «русифицированный» китаец взял себе имя не иначе как из учебника физики и именовался солидно — Атом Атомович Кристал. В Советской России он оказался ещё в 1921-м, учился в Комуниверситете трудящихся Востока, в 1924–1927 гг. находился на партработе в Китае. Если обычно гоминдановцы левого крыла переходили к коммунистам, то в случае с Кристалом было иначе: по указанию ЦК КПК он вступил в Гоминьдан. С 1927 г. Атом снова учился и после окончания московской Военно-инженерной школы работал — до начала 1935-го — на прииске Шахтома в Восточной Сибири. В феврале 1935 г. Кристала тайно отправили в Западный Китай — на «спецработу». В 1937 г. Атом вернулся в СССР и маленькой такой молекулой осел в Иркутске. В 1946 г., будучи скромным заведующим столовой, 43-летний кристальный Кристал был принят в члены партии. Жизнь, можно сказать, удалась...

А вот судьба сотрудника Разведуправления РККА Ивана Гавриловича Тулумбаева, урождённого Ли Фун Цзяна, сложилась трагически. Родившийся в 1912 г. в китайской провинции Шаньдун, он в очень молодом возрасте попал в штаты советской военной разведки, но проработал недолго. После ареста в сентябре 1937 г. Тулумбаев был дежурно обвинён в шпионаже и 27 апреля 1938 г. расстрелян на территории бывшей дачи Г. Г. Ягоды под Москвой. Реабилитация к разведчику пришла поздно — только в 1992 г.

Ту Сяну также, похоже, повезло очень мало. Этот крестьянский сын прибыл в РСФСР в 1922 г. по вербовке на КВЖД. Потом оказался в Якутии и в 1931 г. был командирован Алданским райкомом ВКП(б) в Хабаровск на китайское отделение комвуза. Затем его перевели в китайскую Ленинскую школу во Владивостоке, где Ту Сян стал агентом одного очень важного учреждения: в 1933 г. Разведотделом штаба Особой Краснознамённой Дальне-Восточной армии его забросили на секретную работу в Китай.

Вернулся в СССР он в 1934-м и до августа 1936 г. учился (под фамилией Чжай Фу) в Институте по изучению национальных и колониальных проблем. Однако наша разведка от Ту Сяна отказалась, и в ноябре 1936 г. он был «откомандирован по месту жительства в связи с невозможностью использования на зарубежной работе». 19 декабря 1937 г. Комиссия партконтроля при ЦК ВКП(б) постановила считать его механически выбывшим из рядов компартии и отправила материалы о Ту Сяне в НКВД с целью проверки обстоятельств его приезда и командировки в Китай по линии военной разведки в 1933–1934 гг... Понятно, что это решение для 35-летнего отставного разведчика означало приговор... [393]

Контрразведчики

Подробности разведывательной работы многочисленных советских китайцев ещё предстоит раскопать исследователям наших спецслужб. Однако есть немало интересных сюжетов, связанных с китайцами на службе в советской контрразведке.

Среди тех, кто попал в аппарат ОГПУ-НКВД для борьбы с внутренним врагом, был Ши Чжэ, сын зажиточного крестьянина, добившийся нечастого в Китае среднего образования. Он работал сельским учителем, потом воевал в армии видного гоминдановца Фэн Юйсяна, захватившего в 1924 г. Пекин и пригласившего в войска советских военных специалистов. 20-летний Ши Чжэ в конце 1925 г. был послан в Советский Союз для получения высшего военного образования. Обучали его со товарищи сначала в Киеве, а осенью 1927 г. он прибыл в Москву, где получал неплохую 80-рублёвую стипендию и проходил подготовку в одном из военных училищ в Лефортове. Во время VI съезда компартии Китая, проходившего под Москвой, Ши Чжэ работал переводчиком. Разгром китайских коммунистов в ходе кровавой междоусобицы помешал ему вернуться на родину. У советских товарищей оказались свои соображения относительно его дальнейшей судьбы, так что молодой китаец, перекрещённый в Михаила Александровича Карского, в январе 1930 г. был из рядов Красной Армии переведён в ОГПУ.

Он выехал на службу в Сибирь, где почти семь лет проработал оперативником Особого отдела СибВО в Новосибирске. В конце 1936 г. Карский оказался в той группе особистов, которая влилась во вновь созданный отдел контрразведки УНКВД по Запсибкраю. За 1937–1938 гг. этот отдел (его максимальная численность до лета 1938 г. превышала 60 человек, не считая отделений в городах и уполномоченных в районах) перемолол по огромной тогда Новосибирской области многие тысячи арестантов, основная часть которых была расстреляна. Из представителей «враждебных национальностей» (немцев, поляков, китайцев, прибалтов) пресловутая тройка УНКВД обычно приговаривала к расстрелу более 90 процентов осуждённых. Китайцев в городах Сибири старались известить подчистую, нередко устраивая на них настоящие облавы. Многие из них очень плохо владели русским, и Карский, в частности, помогал допрашивать этих несчастных. Его участие зафиксировано во многих

делах, например, в деле на 38 китайцев и корейцев, арестованных в Новосибирске и допрошенных в течение трёх дней — с 15 по 17 декабря 1937 г.

Обвинительное заключение составил оперуполномоченный 1-го отделения КРО УНКВД младший лейтенант госбезопасности Карский. По этому 35-страничному документу постановлением двух высших чиновников — наркома внутренних дел Ежова и прокурора Вышинского — 14 января 1938 г. 36 человек из 38 были приговорены к расстрелу. Среди осуждённых — студенты новосибирского института транспорта, мединститута, сельхозтехникума, банковский служащий, экономист мясокомбината. Но преобладали малограмотные или вовсе неграмотные работяги. Карский участвовал в арестах и обысках, допрашивал, а тем, кто не знал русского, зачитывал протоколы. В числе самых активных следователей, впрочем, не был. За правдоподобностью деталей «диверсионно-шпионской работы» чекисты не гнались: приписали схваченным азиатам поджоги авиазавода, обувной фабрики и кожзавода, а также сбор сведений о количестве самолётов, произведённых на новосибирском комбинате № 179, который на самом деле выпускал снаряды... [394]

В конце 1937 г. в новосибирском управлении НКВД были случаи нападения арестованных на следователей. Бывший чекист и разведчик К. Г. Веледерский, не выдержав допросов со стороны молодого карьериста И. П. Деева (впоследствии доросшего до поста помначальника УМГБ по Красноярскому краю и Иркутской области), пытался выпрыгнуть в окно следовательского кабинета и бежать. Когда это не удалось, Веледерский набросился на следователя, желая его обезоружить. Здоровяк Деев, не в силах вырваться из объятий арестанта, заорал во всё горло, призывая на помощь. Из соседних кабинетов на помощь чекисту кинулись коллеги-контрразведчики, быстро скрутившие Веледерского. Среди них был и Карский...

Слово о полку интернированном

У Карского в те же годы был коллега в Кузбассе. Ещё одним китайским чекистом был экс-коммунист Павел Ильич Сойкин (он же Чжан Ю Чжан, он же Ей Фей Чжун). Этот деятель состоял сначала в компартии Китая, а затем в ВКП(б). Неосторожно примкнув к троцкистам, Сойкин был изгнан из партии и осуждён на пять лет лагерей. Сосланный в Сибирь, он до 1936 г. являлся резидентом особого отделения Прокопьевского горотдела УНКВД по Запсибкраю.

Бывший троцкист фактически руководил полком, состоявшим из тысячи с лишним интернированных после перехода советской границы китайцев, поскольку среди них только двое знали русский язык. Сойкин не только вербовал из китайцев агентуру, но и пользовался правом вести в горотделе НКВД следствие по арестованным соотечественникам, заняв там положение внештатного уполномоченного.

Весной 1937 г. Сойкина как троцкиста записали во враги народа, затем пересажали как шпионов и его интернированных подопечных. Вероятно, именно об этом арестованном рассказывал следствию в 1941 г. бывший оперативник отдела контрразведки УНКВД по Новосибирской области Л. А. Маслов. По словам Маслова, когда он допрашивал одного китайца-троцкиста, ранее исключённого из партии за брошюру о кантонской коммуне, в кабинет вошли несколько руководящих работников отдела и спросили, признаётся ли арестованный. Маслов ответил отрицательно, тогда начальник отделения Г. И. Бейман ударил китайца большой книгой по голове, а остальные бросились избивать. Маслов даже испугался, как бы заодно не начали бить и его.

По словам чекиста, арестованный китаец «держался крепко, порвав на себе рубаху, заявил: «Меня японцы три раза арестовывали, избивали, угроз я не боюсь». Маслов подчеркнул, что он был против таких методов допроса и прекрасно обошёлся без физического воздействия: «В последующие дни правильным методом допроса он мною был разоблачён как враг народа».

Вскоре фамилия Сойкина оказалась в расстрельном списке из 86 обречённых, поданном 13 ноября 1937 г. новосибирскими чекистами на стол Сталину для осуждения всех по «первой категории». Это предложение не вызвало у вождя и его соратника Ворошилова никаких возражений... [395]

Агент для товарища Мао

А вот Карский оказался неизмеримо счастливей. Несмотря на хорошую «ведомственную работу по уничтожению врагов» и отсутствие «уклонов», Карский, правда, так и не смог от Новосибирского горкома ВКП(б) добиться перевода из кандидатов в полноценные члены партии. Но проработал в «органах» до конца 1938 г., пока не стал жертвой огромной чистки репрессивного аппарата.

Как довольно-таки подозрительный китаец Карский был уволен из аппарата УНКВД по Новосибирской области и поспешил унести ноги из Сибири. Перебравшись в Москву, он в 1939 г. стал заместителем директора 2-го интернационального детдома ЦК МОПР, работал помощником преподавателя китайской партшколы. В 1939–1940 гг. Карский подвизался корреспондентом отдела печати Исполкома Коминтерна. Но в штате госбезопасности, надо полагать, остался либо вскоре был восстановлен на работе в «органах» и получил новую специализацию, освоив радиodelo.

Иначе как же ему в марте 1940 г. удалось бы выехать в Китай? Только-только отгремела война с японцами на Халхин-Голе, приграничная Маньчжурия уже почти десять лет как оккупирована солдатами императорской армии, а Карский из готовящегося воевать и на западе, и на востоке СССР ухитряется проникнуть на родину! Очень возможно, что он получил от бывших хозяев из НКВД спецзадание и был заброшен в Китай для освещения самого «великого коммунгачо». Бывший сибирский особист с марта 1940 г. в Яньяни работал

спецсекретарём Мао Цзэдуна по радиосвязи с Москвой. Впоследствии же одновременно подвизался и в органах безопасности ЦК КПК — своеобразной «внутренней партии». Эти годы его жизни пока покрыты мраком. Но в своих мемуарах Карский описал один красноречивый эпизод.

В 1943 г., когда товарищ Ши Чжэ работал начальником первого отдела ведомства общественной безопасности Пограничного района Шенси — Ганьсу — Нинся, его вызвал «китайский Берия» Кан Шэн. Этот начальник маоистской охраны по наущению председателя Мао и его банды изо всех сил искал врагов партии, уклонистов и шпионов в рамках печально знаменитой кампании «упорядочения стиля». Под этим названием скрывалась длившаяся несколько лет глобальная чистка компартии Китая от любых оппонентов Мао Цзэдуна, коснувшаяся сотен тысяч (!) коммунистов, которых массами подвергали изуверским пыткам и расстреливали. Около 20 тысяч человек тогда предпочли избежать застенков Кан Шэна, покончив жизнь самоубийством.

Разговаривая с Ши Чже, Кан Шэн держал в руках список фамилий, в котором ставил точки и кружочки, приговаривая: «спецагент», «шпион», «предатель», «японский шпион». Затем он приказал Ши Чжэ арестовать всех, против чьих фамилий были проставлены кружочки. На вопрос последнего, есть ли на них материалы, Кан Шэн возразил: если бы были материалы, то зачем тогда бы вам их допрашивать? Его подчинённый более не возражал, и только за одну ночь было схвачено более 260 человек... Надо полагать, Ши Чжэ показал себя в этой партийной чистке непримиримым к врагам и продолжил карьеру в карательных органах.

А в декабре 1952 г. Комитет партконтроля при ЦК КПСС спохватился: кандидатская-то карточка выехавшего товарища Карского уже двенадцать лет как не погашена! В Пекин пошла бумага. Из братского Китая вскоре прислали ответ на запрос из Москвы относительно биографии бывшего кандидата в члены ВКП (б). Оказывается, товарищ Ши Чжэ (в документах КПК его фамилия выглядела как Ше-Си-Де) не терял времени даром и достиг немалых высот, став личным секретарём Мао Цзэдуна и одновременно начальником Бюро русских переводов ЦК КПК. Продолжал ли он быть глазами и ушами НКВД-МГБ при «великом кормчем», или являлся совершенно лояльным китайским коммунистом, передававшим свой опыт родной политической полиции, неизвестно. Скорее всего, второе. Других значимых сведений о Ши Чжэ в отечественных источниках нет.

Логично было бы предположить, что вряд ли ему удалось благополучно пережить четверть века кадровых чисток, включая культурную революцию, особенно бывшую беспощадной к тем партийцам, кто был когда-то связан с «советскими ревизионистами». Действительно, Карский в середине 60-х годов подвергся репрессиям. Однако кровожадный «кормчий» пощадил верного слугу и переводчика с русского в те смутные годы, когда всё советское вызывало у престарелого Мао судорожную ненависть к «ревизионистам».

И благодарный «Карский» опубликовал в Хэбэе в 1991 г. свои воспоминания с характерным заглавием «Рядом с историческим исполином», а затем и ещё несколько мемуарных книг. А в 1998-м умер, прожив 93 года [396] . Снились ли ему на склоне лет загубленные в Сибири как соотечественники, так и люди других национальностей? Судя по тому, чем он занимался в Китае, вряд ли.